

Необходимо сказать несколько слов о шифре, которым я пользовался при передаче и приеме радиogramм. Я был и радистом, и шифровальщиком в одном лице. За шифр отвечал головой. Эти документы был обязан тщательно и тайно хранить при себе, никто не должен был знать что — либо о них, даже командир. И весь период нахождения в тылу врага шифр я сохранил в полном порядке, тайна радиопередач была соблюдена, и никто: ни десантники, ни грузы, ни наш отряд — не пострадали. Как же я поступил с шифром во время боя? Когда разгорелся ночной бой с карателями, я был на правом фланге цепи нашей группы, лежал на склоне, впереди меня была какая — то кочка, поросшая мхом. Я подумал, что на всякий случай (убьют или ранят) надо позаботиться о тайне и сохранности шифра, чтобы он не достался врагу. Вынул я шифр из брюка (он был завернут в прорезиненный материал от индивидуального медицинского пакета, чтобы не подвергся влаге), надорвал мох, не отделяя от кочки, положил туда свой сверток с шифром, тщательно замаскировал это место и тут же повел огонь из автомата по вспышкам врагов. Когда перестрелка долго не возобновлялась, было тихо, по цепи взмахом руки передали сигнал сбора, я вынул шифр из простого, но надежного тайника, из — под кочки. Наша группа по — пластунски проползла близ страшно кричавшего немца и, удаляясь с места боя из лесочка, укрываясь во ржи, ускоренно отходила по намеченному маршруту. Результат боя был таков: немцы потеряли убитыми и ранеными более 50 человек, наши потери — два легко раненных.

На утро следующего дня каратели перерыли огнем всю землю и кусты в лесу, но нас не нашли. Партизаны были неуловимы. Из группы созданся отряд им. «Кестутиса», который базировался в Биржайском лесу (г. Биржай, Литовской ССР). В отряде я был радистом, осуществлял радиосвязь с Литовским штабом партизанского движения.

Передавал разведданные, боевые донесения, принимал указания штаба, сообщал координаты площадок и сигналы для приема самолетов с партизанами — десантниками и грузами с Большой земли, принимал сводки Совинформбюро. Участвовал в боях и походах отряда против фашистских карателей и оккупантов. 31 июля 1944 г. наш отряд соединился с частями Советской Армии, наступавшими и освобождавшими Советскую Прибалтику.

После выполнения задания меня направили на учебу. В 1947 г. окончил Ярославское Пехотное училище имени генерал-лейтенанта Харитонов. В 1954 г. окончил Академию тыла и снабжения. Про — служил в Советской Армии 30 календарных лет. Член КПСС с 1960 года. В 1972 г. в звании подполковника уволился из рядов Советской Армии по болезни.

Награжден орденом «Отечественной войны II степени» и четырнадцатью медалями.

П. Еркин

### Мальчишками мы уходили на фронт

Проходят десятилетия, а из памяти не изгладить военных событий. Рассказывают ветераны Великой Отечественной, что во сне они часто как бы заново проходят через пережитое на фронте.

Меня призвали в армию в октябре сорок третьего. Прибавил себе год, а в военкомате сказал, что свидетельство о рождении где — то потерялось. Тогда не особенно — то проверяли правильность сведений (война) и направили с другими призывниками на врачебную комиссию. Там признали меня годным к службе в армии.

Отец, узнав о моем решении, промолчал. Он в гражданскую во — евал в Чапаевской дивизии.

А мать заплакала:

— Да куда же ты годишься в солдаты-то! Семнадцати нет еще...

Ванюшка, мой старший брат, на завершающем этапе Курского сражения сложил голову, мать уже выплакала глаза. Вот и боялась она повторения печальной истории с младшим сыном.

Я попал в освобожденный Харьков. Уже оттуда ранним летом сорок четвертого я попал а самый настоящий боевой переплет. До этого же, как говорится, я не успел и понюхать пороха.

На участке, где нам предстояло провести разведку боем, уже несколько недель наблюдалось затишье. Изредка только раздавалась с нашей стороны или со стороны фрицев автоматная или пулеметная очередь. И тишина. А по ночам, особенно с немецких позиций, как по расписанию, то тут, то там разорались в небе над нейтральной полосой заревом осветительные ракеты.